

Потребность в синтаксических периодах

ИГ Exhibits (прил. к Независимой), - 2004. - Ноябрь. - с. 1-2

Карл-Йоганн Вальгрэн: «Есть ли вообще на свете инвалидность?»

История человеческого уродства в мировой литературе, похоже, пережила себя: метка физического отклонения от нормы все больше становится символом, собирательным образом, а не правдой о чьей-то человеческой трагедии. Карл-Йоганн

Многотысячные тиражи в Европе, собственная музыкальная группа, клетчатый костюм авантюриста, серебряная серьга в ухе и привычка подписывать книги цветочками да солнышками. Он прикуривает сигареты одну от другой, и мы начи-

пределяются по фондам – в частности, идут в Фонд Сэльмы Лагерлёф, – а оттуда уже в руки стипендиатов. Очень социалистический подход: отнять у богатых и отдать бедным. Не знаю как кому, а мне это помогло жить, пока я писал свои сборники конца 1980-х – начала

Современная шведская литература пишется короткими, даже телеграфными предложениями

Вальгрэн, сорокалетний прозаик из Швеции, сегодня претендует на новое слово в этом направлении. Лауреат национальной «Августовской премии» (лучшая книга 2002 года), недавно он был впервые переведен на русский. Для его восьмого романа «История удивительной любви», хитро переименованного нашими издателями в «Ясновидца», – это язык, уже тринадцатый по счету.

наем разговор в холле «Президент-отеля», где писатель остановился во время краткого пребывания в Москве.

– Карл-Йоганн, как в Швеции становятся писателями?

– Прежде чем выбиться в люди, я пять лет получал стипендию, на которую жил. Механизм таков: шведские библиотеки за каждый экземпляр принятой книги платят пускай и мизерные, но деньги. Они потом рас-

1990-х. На спагетти и пиво хватало, а чего еще нужно?

– В вашем «Ясновидце», на мой взгляд, скрыто несколько романских традиций: одна отсылает нас к «Графу Монте-Кристо» Дюма, другая – к опусам Новалиса. Для вас самого которая была важнее?

– Мои книги вообще имеют разное направление – от «Nomadern» (романа 1987 года) до путеводителя по Берлину «Берлин в восьми главах» (1999

В детстве Карл-Йоганн Вальгрэн любил читать сказки братьев Гримм.

Фото автора

год). Я в Берлине просто жил десять лет и хотел понять этот город, реформировав, казалось бы, сервильный жанр!

В случае «Ясновидца» я принял стратегическое и рискованное для интеллектуального писателя решение: создать большой именно любовный роман. Уверен, что величайшие из них уже написаны – например, «Мадам Бовари» Флобера, мифообразующая вещь для меня. И, не имея сил соревноваться с титанами, я все-таки нашел выход из положения – перенес действие в нарочито романтическую эпоху «большого жеста» и сильных страстей. Пять лет я его писал – читал и перечитывал классиков (Стендаля, Гюго). Помимо этого – научные работы по медицине того времени и практике поздней инквизиции. Но мой роман – детище рубежа XX–XXI веков. И невозможно было избежать соблазна двойной экспозиции. Ведь многое практически не изменилось с тех пор. Та же религиозная нетерпимость, предубеждение по отношению к инвалидам. Даже в нашей весьма благоустроенной стране.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Потребность в синтаксических периодах

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

– А насколько вообще правдивы факты «Ясновидца»? Названия тайных департаментов Ватикана, городская газета Ратибора «Христианский вестник», множественно вами цитируемая по ходу...

– Некоторые детали, разумеется, – фикция. Тут я слежу за Мишелем Фуко. Но исторический фон – абсолютно верен. Особенно в том, что касается реставрации инквизиции после Венского конгресса 1815 года.

– В географически близкой к вам немецкоязычной литературе сегодня существует, как мне кажется, попытка возродить средневековую мистику. Я имею в виду таких авторов почти вашего поколения, как Николя Фробениус и Даниэль Кельман. Вы разделяете их точку зрения?

– Нет, ни в коем случае. Я скорее в одном лагере с Салманом Рашиди и Маркесом. С Сельмой Лагерлёф и вашим Михаилом Булгаковым!

– Много ли вы взяли из фольклорной традиции?

– Да. Но – немецкой, а не собственно шведской. Не из наших утробных sag! В детстве, лет до десяти, я ничего практически, кроме немецких сказок, и не читал. Братьев Гримм, потом – Гауптмана.

– А влияние немецкого языка есть?

– Оно есть. Знаете, современная шведская литература пишется короткими, даже телеграфными предложениями. И я чувствую потребность в длинных и красивых синтаксических периодах. Чтобы в них были придаточные, всякие сравнительные обороты... А речевую экономии нашей прозы я могу объяснить тем, что очень многие пытались и пытаются подражать Хемингуэю. Но меня больше трогает традиция немецкой классики.

– Вы, я знаю, еще и шансонье. Получается ли сочетать литературу и музыку?

– Вообще я гораздо популярнее как писатель, нежели музыкант. Но мне бы хотелось и здесь преуспеть. Музыка помогает безошибочно рассчитывать композицию по времени. Понимать принцип «тайминга» – то есть когда переключить скорость, перейти к другой теме. Мой герой в «Ясновидце» глух. Но он слышит как бы идею музыки, лежащую глубже ее звукового воплощения. И в определенном смысле это – посткантианство.

– Внутреннюю метафору Бога-Логоса, проясняющую смысл глухоты героев, физической и душевной, – вы ее из патристики выводили? Судя

по тому, как часто апеллируете к Блаженному Августину и Пьеру Абеляру.

– Причина их появления в романе гораздо проще. Не такой уж я сам философ, чтобы вступать с ними в научный диспут! Они ведь были совершенно нетерпимы к глухим людям, воспринимали их как врагов – глухих в прямом смысле слова. И сами были глухи идейно к другим религиям. Только поэтому я их вспомнил. Философски, если уж на то пошло, мне ближе Кант. Не случайно действие «Ясновидца» начинается в Кенигсберге, где жили и Кант и Гофман.

– А почему тогда Гофмана вы упоминаете только в образе надгробного камня над его могилой? Что за символ такой?

– Никакой не символ! Уж точно не хотел я сказать о конце немецкой литературы! Кантианская моральная философия для меня в том, что нет бога ни в одной религии мира, который бы мог помочь моему Эркюлю Барфуссу. Лишь его собственный Разум. К тому же тут, в романе, и не столько о слухе речь, сколько о зрении. Оно и диктует нам относиться к изуродованным людям отрицательно. Промоздит предрасудки. Хоть я писал о любви,

подтемой было рассказать о человеческом отношении к инвалидам. Есть ли вообще на свете инвалидность? Или мы ее придумали, считая не похожих на нас людей неполноценными? Где пролегает граница пресловутой нормы и отклонения от нее? Я уверен, что из всего этого и рождается фашизм. Из этой социальной конструкции.

– В итоге, овладевая языком жестов, идет ли Эркуль в компромисс с обществом? Не принимает ли право других считать себя неполноценным?

– Нет-нет. Не забывайте, что он в конце концов попадает на остров Марта Винъярд, где в колонии глухих его недостаток незаметен. И язык жестов они избирают добровольно. Кстати, этот остров вполне реален. Там в течение столетий по генетическим причинам рождаются глухие.

– Кстати, Карл-Йоганн, единственная русская в «Ясновидце» – Аграфена Нехлюдова – живет в доме терпимости!

– Никаких прямых ассоциаций с вашей страной, что вы! Просто иногда язык дает нам больше метафор, чем мы сами в состоянии придумать.

Беседовала
Юлия Качалкина